

- Токарев* 1968 – Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы / Под ред. С.А. Токарева. М.: Наука, 1968.
- Утехин* 2004 – *Утехин И.В.* Очерки коммунального быта / Серия “Нация и культура”. М.: О.Г.И., 2004.
- Чебоксаров* 1979 – Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1979.
- Этнографическое картографирование* 1975 – Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975.
- Goody* 1996 – *Goody J.* Cooking, Cuisine and Class: A Study in Comparative Sociology (Themes in the Social Sciences). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Lévi-Strauss* 1965 – *Lévi-Strauss C.* Le triangle culinaire // *L'Arc*. 1965. № 26. P. 19–29.
- Tannahill* 1973 – *Tannahill R.* Food in History. L.: Eyre Methuen. 1973. 448 p.

S.A. Arutyunov. From the Still to a Fleeting Materiality: On the Issues in Ethnographic Study of Material Culture (Interview to N.V. Bogatyr)

Keywords: history of science, material culture, culture of ethnic subsistence, research methods, field research

In the interview Sergei Arutyunov, professor and senior ethnographer of the Russian Academy of Sciences, reflects on notions of the culture of ethnic subsistence and on the reasons that the studies of material culture in Soviet/Russian ethnography went a specific way; he further talks about their past and future, and ponders over the case of interdisciplinary conceptualization of material culture in the study of rural Armenia.

ЭО, 2011 г., № 5

© Ф. Ваннини

ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ ТЕХНИКИ*

Ключевые слова: материальная культура, технокультура, потребление, выбор, техника, использование, доместикация, “политика материальности”, объективация

Статья была написана автором как редакторское введение к теоретической части междисциплинарного сборника “Материальная культура и технологии в повседневной жизни: этнографические подходы” (2009). В ней Филипп Ваннини предлагает краткий обзор концептов, которые в последние годы часто используются в англоязычных исследованиях материальной / технологической культуры. С помощью этого обзора он стремится: 1) показать, что разные дисциплинарные традиции используют для осмысления материальности близкие идеи и концепты; 2) привести эти традиции к единой платформе, которая могла бы стать теоретическим основанием для всестороннего материалистического исследования технологической культуры.

Филипп Ваннини – Университет Ройял Роудс, Канада (Associate Professor, School of Communication and Culture); e-mail: phillip.vannini@royalroads.ca

* Публикуется с разрешения издательства Peter Lang Publishing Group. Перевод выполнен по: Vannini P. Material Culture Studies and the Sociology and Anthropology of Technology // Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches / Ed. P. Vannini. N.Y.: Peter Lang Publishing Group, 2009. P. 15–26.

Несмотря на то, что исследования материальных объектов повседневности кажутся многочисленными, таких исследований материальной культуры и технокультуры, которые опираются на должный корпус эмпирической или теоретической литературы или вносят вклад в развитие ключевых концептов этой области, относительно мало. Не намереваясь создавать или охранять границы того, о чем говорится как о междисциплинарном поле (*Miller, Tilley* 1996), я попытаюсь в этой статье предложить читателям инструменты, которые позволят лучше определить, какое место отводится исследованиям материальной культуры и технокультуры в широкой, но ясно очерченной традиции, охватывающей поле социологии, антропологии, коммуникативных и культурологических исследований. Для этого я представлю несколько концептов, объединив их идеей объективации, которая лежит в основе материалистического подхода, изложенного в этой статье и сборнике в целом.

Хотя понимание того, в чем состоит материалистическая точка зрения или парадигма, может быть различным, с определенной долей уверенности можно утверждать, что она не сводит материальность к эпифеноменам социального процесса, не рассматривает материальность как просто другую форму языка или дискурса (*Tilley* 2006a, 2006b). Объяснение этой идеи начнем с примера. Предположим, что вы хотите исследовать социальный феномен потребления вина. Оформленное, например, как исследование демонстративного потребления или социального проявления вкуса и отличия, оно может быть проведено довольно легко. Но предположим, что вас больше заинтересовала фактическая материальность вина: скорее, потребление и производство вина как технокультура, чем их побочная символическая роль в репрезентации статусных различий. Внезапно, как вы можете представить, вещи могут предстать куда более сложными. Для начала вам потребуются разобраться в самых различных вещах, чтобы придать смысл материальным качествам такой жидкости, как вино, с точки зрения его вкуса и связанных с ним ощущений. Затем вам потребуется описать и производство, и дегустацию вина в терминологии действия, опыта и потребления. После этого вы можете захотеть немного расширить рамки вашего проекта и поразмышлять о том, как производство и потребление вина объективирует социальные отношения, ценности и идеи, касающиеся еды и питья. Такое исследование может привести вас к анализу социальных сценариев, которые окружают производство и потребление вина и представляют собой социальные семиотические ресурсы, используемые людьми для истолкования актов потребления вина. И, наконец, вы можете погрузиться даже в более глубокие размышления о политике производства и потребления вина: начиная с идеологий и режимов, которые регулируют эти сферы деятельности, и заканчивая тем, как через участие в производстве и потреблении вина воспроизводятся или, возможно, оспариваются и согласовываются господствующие вкусы. Целое дело, несомненно! Однако я полагаю, вы с самого начала знали, что такое предприятие было бы абсолютно необходимо для всестороннего понимания материальности интересующего вас социального феномена. В этой статье я закладываю общий междисциплинарный фундамент, на котором можно построить такое же всестороннее исследование материальной культуры и технологий, как вышеупомянутый гипотетический исследовательский проект. Привлекая дисциплины и области исследований материальной культуры, социологии и антропологии техники и, в меньшей степени, культурологию и исследования коммуникации, я делаю обзор основных идей и общих концептов, полезных для этнографического изучения материальной культуры и технокультуры.

Эта статья преследует три цели. Во-первых, я хочу показать, что в разнообразной исследовательской литературе, на которую ссылаюсь как я сам, так и другие авторы, часто используются родственные идеи и концепты, независимо от их теоретического или дисциплинарного происхождения. Во-вторых, поскольку эта литература “принадлежат” дисциплинарным традициям, которые редко ведут диалог друг с другом, с помощью этого обзора я надеюсь выявить особенности различных традиций и при-

вести их к единой платформе. В-третьих, описывая вкратце общие идеи и концепты, я надеюсь заложить и общие теоретические основания для исследования. Поскольку отведенное мне здесь место ограничено, цель этой статьи не в том, чтобы снабдить читателя исчерпывающим обзором, а в том, чтобы дать ему общее представление и направление для исследований в разных, но связанных областях.

Опыт, выбор, техники и использование

Обычно ключевым компонентом исследования материальной культуры является контекстуализация объектов в жизни людей. Основываясь на широко определяемой феноменологической перспективе, исследователь материальной культуры должен серьезно рассматривать живой опыт материальности или даже поместить его в центр своего исследования. Примерами такого отношения являются экологические подходы к восприятию окружающей среды (см.: *Ingold* 2000, 2007) и ландшафта (*Tilly* 1997, 2006a, 2006b). Эти исследования и выраженные в них точки зрения ясно показывают, что опыт неизбежно является активным и конструктивным, а не пассивным и предопределенным заданными характеристиками внешних стимулов. Феноменологическая сконцентрированность на индивидах, их опыте и практиках проявляется во множестве исследовательских ракурсов и в таких концептах, как “выбор”, “техника” и “использование”.

Выбор приобретает огромное значение, когда мы, как этнографы, прибываем на место нашего полевого исследования и задаем себе классический отрезвляющий вопрос: “а могло бы здесь все быть по-другому?” Взгляните, например, на клавиатуру своего компьютера и спросите себя, почему первые шесть букв в верхнем ряду – это Q-W-E-R-T-Y? Мог ли выбор пасть на другие буквы? Существуют ли где-нибудь в мире клавиатуры с иной раскладкой? Существовали ли они в прошлом? И почему?¹

Как отмечает Пьер Лемонье:

Конструируемые технические действия так же, как изменения в технике, частично предопределены или ограничены социальными репрезентациями или феноменами, которые идут дальше простого действия; общества овладевают, перенимают или совершенствуют одни технические возможности (принципы действия, артефакты, телодвижения) и отвергают другие. Это подобно тому, как если бы общества *выбирали* свои способы действия в материальном мире из целого ряда технических средств, которые предоставляет их окружение, их собственные традиции и контакты с чужаками (*Lemonnier* 2002: 6).

Технологические выборы показывают, что материальный мир относительно пластичен и что постоянно развивающиеся разработка и производство техники (так же, как эволюция техники), безусловно, укоренены в социальных контекстах (см.: *Dobres* 2001; *Ingold* 1996; *Pinch* 2009).

В исследованиях технологий для того, чтобы подчеркнуть рост взаимной адаптации людей и конструктивных особенностей, функций и значения объектов (так же, как и то, что объекты приспособляются к потребностям людей) обычно используется понятие *доместикации* (*Lie, Sorensen* 1996; *Silverstone, Hirsch* 1992). “Доместикация” указывает на вхождение объектов в область повседневного или, по известному выражению Роджера Сильверстоуна и Эрика Хирша (*Silverstone, Hirsch* 1992), на приручение того, что “технологически дико”, и дальнейшую культивацию того, что приручено. Исследования доместикации, прослеживая непредсказуемую траекторию исторического процесса, которая может привести к принятию технологии и ее доместикации или, наоборот – к отказу от нее, показывают, как через практику и опыт объекты и техника становятся привычными. Исследования доместикации и связанных с ней процессов

показывают, что техника – это не только объект, но и субъект активных перемен и трансформаций (напр.: Moser 2000; Sillar 1996; Pinch 2009), идет ли речь о совершенствовании инструментов, подходящих для определенной задачи (Casper, Clarke 1998), о наделении объектов смыслами в процессе работы (Heath et al. 2000), о культивации объектов как продолжений человеческого “я” (Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton 1981), или даже о перестройке целых технологических систем вследствие появления неожиданных способов [их] использования (Fisher 1994; Martin 1991).

Как правило, процесс доместикации проходит четыре фазы: приобретения (appropriation), объективации (objectification), вхождения (incorporation) и конверсии (conversion) (Silverstone, Hirsch 1992). На этапе приобретения товар или услуга переходит от производителей и продавцов к потребителям. В фазе объективации (обратите внимание, что здесь использование этого концепта отличается от того, которое будет обсуждаться чуть позже) раскрываются и демонстрируются основы «чувства своего “я”, присущего домохозяйству, и его места в мире» (Silverstone, Hirsch 1992: 22). На стадии вхождения объекты интегрируются в рутину повседневности. И, наконец, на этапе конверсии объекты включаются в практическое использование и, следовательно, начинают формировать отношения между их пользователями и другими людьми. Например, объекты могут использоваться, чтобы продемонстрировать статус, символизировать идентичность и т. д. Как отметили Мерит Ли и Кнут Соренсен (Lie, Sorensen 1996), доместикация приводит к различным типам взаимодействия: символическому, практическому и познавательному. Символическое взаимодействие направлено на формирование и обсуждение смыслов объектов. В практическом взаимодействии формируются традиции, способы использования и привычные техники, а познавательное взаимодействие относится к обучению и нарративному изложению (см.: Woodward 2009).

Еще одно важное направление изучения пользователей и использования технологий – это исследования, сфокусированные на том, как, кем и каким способом *определяются* пользователи. Если исследователь хочет преодолеть упрощенный, детерминистский подход к технологии, предпочтя ему широкий, внимательный к нюансам антропологический подход, он должен, вне зависимости от своей теоретической точки зрения, проявлять первостепенное внимание к методам, техникам использования объектов и самим пользователям (Pfaffenberger 1992; Schiffer 2001). В антропологии классический подход к комплексному конструированию объектов, их использования и пользователей выражен в диахронической, или нарративной, точке зрения, принятой Арждунум Аппадурай (Appadurai 1986) и другими исследователями (см.: Woodward 2009). Понимание пользователями объектов как маркеров социальных отношений формирует не только материальные свойства самих объектов, но также субъективность как объектов, так и их пользователей.

Вместе все эти процессы демонстрируют, что отправная точка таких концептов, как доместикация, – это повседневные контексты использования объектов, пользователи, использование, опыт, выбор и техника. Следовательно, и обыденные бытовые контексты (напр.: Miller 2001b), и понятия, которые видятся как далекие, нематериальные и даже эзотерические (по крайней мере, в массовых представлениях), глубоко укоренены в повседневной рутине (напр.: Miller, Slater 2001). Подход к технологическим системам как результатам опыта и выбора дает возможность исследовать материальные технокультуры как виды социальной практики (Suchman et al. 1999). Такой фокус на социальных практиках позволяет по-новому взглянуть на логику процессов – а именно с позиций использования объектов и потребления, которым традиционно предпочитали разработку и производство (см., напр.: Cowan 1989; Holt 1995; Oudshoorn, Pinch 2003; Silverstone, Hirsch 1992; Woolgar 1991).

Политика материальности

Давайте вернемся к моему примеру технокультуры производства и потребления вина. Предположим, по прошествии некоторого времени, проведенного вами в полевых исследованиях, у вас в сознании формируется устойчивое представление. Оно имеет отношение к сладости и фруктовому вкусу вина. Вы обнаружили, что сладкие и фруктовые вина, как правило, меньше ценятся, чем сухие и полусухие. Предположим, еще вы обнаруживаете, что в результате эти вина имеют разные рынки сбыта: сладкие и фруктовые вина позиционируются и рекламируются для женщин, тогда как сухие и полусухие – для мужчин. Также достаточно быстро вы понимаете, что они по-разному производятся, что ритуалы и сценарии их потребления отличаются – и что по линии гендера в социальном мире производства и потребления вина проходит тотальный раскол. Тема знакомая: возможно, характерная для нашей культуры в целом, не так ли? Если да, то это потому, что, как отмечали многие исследователи, объекты действительно обладают политикой. Или, другими словами, материальные объекты являются ресурсами для создания, поддержания и восстановления властных и статусных различий. Критические исследования материальной культуры и технологий от политики вкуса и различия (*Bourdieu* 1984) до реификации социально сконструированных границ между “природным” и “культурным” мирами (*Haraway* 1996) постоянно указывают на прямое участие материального мира в структурах доминирования (и одновременно – на его подразумеваемую нейтральность, независимость и императивную самоподдерживающуюся логику прогресса в общественном мнении) (*Winner* 1978).

Тема гендера в научной литературе – главным образом в социологии науки и техники и в культурологии – сейчас развивается особенно активно (*Lerman et al* 1997; *Wajcman* 1991, 2004). Феминистские исследовательницы резко критиковали доминирующие гендерные иерархии и бинарные оппозиции и связанные с ними понятия о том, что ценно и что – нет в материальном мире (так же как и предполагаемое неучастие женщин в технологическом развитии). Женщины, “сосланные” в сферу бытового потребления технологий (*Cockburn, First-Dilic* 1994; *Pink* 2004), были и недостаточно представлены как инноваторы в области технологий (*Cockburn* 1985), и часто оказывались одураченными перспективами технологических инноваций, которые ошибочно приветствовались как вестники социального прогресса и равенства (*Cowan* 1983). Соответственно, идентичность и субъективность женщин формировались при помощи технологических альтернатив, которые укрепляли существующие бинарные гендерные оппозиции и доминирующие сексистские иерархии. Так, например, замечательное исследование Нелли Аудсхорн ярко показало процесс социального конструирования противозачаточных таблеток как ресурса и прерогативы скорее женщин, чем мужчин (*Oudshoorn* 2003). Еще один важный концепт, относящийся к исследованию повседневной жизни, – это принадлежащее Рут Шварц Коуэн понятие “потребительского перекрестка” (*Cowan* 1989). Потребительские перекрестки – это места, где потребители и пользователи делают выбор между конкурирующими объектами, техниками и техническими замыслами. Этот выбор отражает способность индивидов к действию, их свободное волеизъявление и ценности и свидетельствует, таким образом, что все пользователи, вне зависимости от гендерной принадлежности и социального положения, являются активными участниками технического прогресса (*Clarke, Montini* 1993; *Lerman et al* 1997; *Star* 1991).

Конечно, гендер – не единственный источник неравенства. Известно, что материальные объекты играют главенствующую роль в воспроизводстве властных различий и во множестве других контекстов. По лаконичному высказыванию Кристофера Тилли (*Tilley* 1991: 149), в материальных объектах, вполне как в текстах, “воплощаются идеология и власть, являющиеся неотъемлемой частью их природы”. Таким образом, в материальных объектах и технологиях оказываются воплощены идеологии, работающие

на поддержку режимов колониальных и постколониальных ценностей (*Myers* 2001a, 2001b), прав собственности (*Henare* 2007; *Rowlands* 2002), способов осмысления культурных и географических ландшафтов (*Bender* 2002), коллективной памяти (*Saunders* 2002) и многого другого (см.: *Rowlands* 2005). Классическое исследование строительной инфраструктуры пригородов Нью-Йорка, принадлежащее Лэнгдону Уиннеру (*Winner* 1988), – один из самых известных примеров в этой области. Как утверждает Уиннер, чтобы контролировать доступ в состоятельные районы, там под руководством архитектора Роберта Мозеса возводились мосты и эстакады низкие настолько, чтобы городские автобусы с их многочисленными пассажирами не могли развезать там, где их присутствие было нежелательным. Это, как изящно отмечает Уиннер, показывает, что артефакты обладают политикой (более острое и резкое критическое обсуждение см. в работе Вулгара и Купера (*Woolgar, Cooper* 1999)).

Другая распространенная тема, имеющая отношение к политике материальности, – это бартовская идея мифа: концепт, оказавшийся достаточно мощным, чтобы целиком заполнить многие области в культурных исследованиях. Концепт мифа, проанализированный в классической работе Ролана Барта “Мифологии” (*Барт* 2000), объясняет, как в текстах и материальных объектах системы ценностей или идеологии конструируются как “нормальные”. Нормализация происходит через коннотативные свойства знака. Каждый знак обладает и буквальным денотатом (обыденным истолкованием того, на что указывает знак), и системой коннотаций, которая отсылает нас к разнообразным идеям, представлениям и ценностям. Система коннотаций – это всегда потенциальное поле для спора и оспаривания, поскольку различные идеологии неизбежно конкурируют за то, как должно интерпретировать знак и какими должны быть доминирующие значения. Но в повседневной жизни политическая и идеологическая нагруженность некоторых коннотаций часто без усилий нейтрализуется, и они выдаются за универсальные, общепринятые и естественные интерпретации знаков. Барт на различных примерах – от предметов потребления до ритуалов и текстов массовой культуры – показал, как обычные функции материальных объектов и их ординарные смыслы увековечивают доминирующие идеологические позиции и укрепляют властные различия. Помимо выдвигания идеи мифа и полезного (хотя сейчас считающегося несколько упрощенным) различия денотативных и коннотативных свойств материальных объектов Барт теоретически осмыслял материальную культуру как разновидность текста, подлежащего деконструкции, и постулировал, что акт и роль “чтения” являются важнейшими в процессах культурного воспроизводства, приближаясь таким образом к другим интерпретативным практикам, начиная от гуманитарных наук до археологии, исследований коммуникаций и культурологии (*Tilley* 1990).

В конечном счете, фокусируемся ли мы на классе, гендере, статусе или на других параметрах или формах различия, важно заметить, что материальная культура на самом деле никогда не бывает нейтральной и всегда обладает политическим содержанием. Однако аспекты, в которых артефакты обнаруживают свою важность для создания, поддержания и разрушения порядка, разнообразны, сложны и утонченны. Современные точки зрения в исследованиях материальной культуры и технокультуры (и в социальных науках в целом) отстраняются от детерминистских или редукционистских подходов к политике материальности. Соответственно, исследователи пересматривают аисторические и аполитические направления феноменологии, упрощенческие иерархии, чрезмерный текстуализм и бинарные оппозиции структурализма, а также реалистические тенденции герменевтики и интерпретивизма. На месте этих подходов вырос покрывающий очень широкое поле – и, возможно, отчасти концептуально размытый – постструктуралистский подход, который описывает и объясняет политику материальности в неэссенциалистской, недетерминистской, многоголосой, дискуссионной, эмерджентной и реляционной манере (*Olsen* 2006).

Объективация

Позвольте закончить эту статью, предложив краткий панорамный обзор понятия объективации. Здесь нам снова поможет небольшой пример. Давайте представим, что сейчас Рождество и вы получили по почте посылку с бутылкой домашнего вина. Из сопровождающей подарком открытки вы узнали, что вино для вас сделал ваш пожилой дядя из деревни – дядя, который не видел вас несколько лет, но до сих пор помнит вашу большую любовь к белым десертным винам. Чрезвычайно удивленный и довольный подарком, вы понимаете, что не купили для своего дяди никакого рождественского подарка ни в этом году, ни даже в прошлом. Готовый исправить это, вы бросаетесь к компьютеру, выходите в Интернет и ухитряетесь купить пару билетов на концерт, который проходит всего в паре миль от дома вашего дяди. Поскольку продавец отправит ему билеты напрямую, вы решаете послать дяде почтой записку, чтобы пожелать счастливых праздников и поблагодарить его за то, что он нашел время сделать и прислать вам вино. Что демонстрирует этот пример? Он демонстрирует нам, что отношения, идентичности, ценности и т.д. создаются при помощи материальных форм. Это пример процесса объективации.

Если приведенный выше пример в самом деле хорош, несложно понять, что концепт объективации более или менее целиком описывает предметную область археологии, значительную часть предметной области антропологии, исследований техники и, вполне возможно, других областей. Однако понятие объективации не вызвало такой явной заинтересованности, как можно было бы предположить. Несмотря на существование блестящих обзоров и дискуссий (*Miller 1987, 2005; Tilley 2006b*), объективация для большинства продолжает оставаться одним из тех терминов, которыми люди часто пользуются, не зная четкого определения или не понимая их содержания. Поскольку хорошие объяснения уже существуют, моя цель в этом разделе – дать сжатый и удобный конспект идеи, чтобы прояснить, как можно развить этот концепт в различных дисциплинах и субдисциплинах, заинтересованных в исследовании материальной культуры и техники, и отослать читателя к нескольким примерам в исследовательской литературе. Итак, позвольте начать с четкого определения и краткого изложения того, о чем идет речь.

Как объясняет Дэниел Миллер (*Miller 1987*), корни идеи объективации уходят в гегелевскую мысль. Говоря просто, для Гегеля объективация имеет отношение к двойному процессу – а именно к тому, что люди вовлекаются сначала в процесс отделения от материального мира, а затем в процесс переписвоения его. Так, в ходе нашего развития мы сначала осознаем, что “мы” – это не вино, которое мы пьем: мы – отдельные материальные сущности со своими источниками существования. Но в процессе отделения себя от материального мира, существующего вне нас, мы также создаем условия, при помощи которых мир вне нас становится объектом нашей сознательной “манипуляции” – концепт, заимствованный у Джорджа Герберта Мида – и, соответственно, нашего творческого действия. Понимаемые таким образом различные типы объективации подходят для нашего исследования как конкретные воплощения вещей, отличающиеся от них самих. Например, мы можем исследовать бутылку вина как изоморфную определенному социальному положению или типу социальных отношений.

Надо сказать, что многие аналитические работы, посвященные материальной культуре, исходят из базового представления о том, что сначала возникают идеи, ценности, понятия, верования и т.д., которые позднее обретают материальную форму. Однако идеализм и дуализм этого представления очевидны, как очевидна и создаваемая им аналитическая проблема: если материальность на самом деле столь эпифеноменальна, почему мы вообще должны изучать ее, а не сами идеи, ценности, идеологии и т.д., которые ее предопределяют? К несчастью, многие научные работы вольно или невольно придерживаются этой позиции.

По-настоящему материалистический (каковым он и является) подход к материальности и объективации сложнее и тоньше. Как пишет Тилли (*Tilley 2006b*: 60), объективация – это глубоко диалектический и эмерджентный процесс, “прямо связанный с действием, с физическим производством вещей, которые вследствие этого играют активную роль в самоконструировании идентичностей и взаимодействиях людей”, а также наблюдаемый на протяжении всей “социальной жизни” (*Копытофф 2006*) самих вещей (см. также: *Miller 1987, 2001a*). Поэтому более эффективный подход к объективации – это:

“попытки преодолеть дуализм современной эмпирической мысли, в которой субъекты и объекты считаются разными и противоположными сущностями, соответственно – человеческими и нечеловеческими, живыми и инертными, активными и пассивными и т.д. В процессе создания, использования, потребления, взаимодействия и жизни с вещами люди создают себя. Поэтому мир объектов является безусловно центральным для понимания идентичностей отдельных людей и обществ. Или, другими словами, без вещей – материальной культуры – мы не можем ни быть собой, ни познать себя”.

Если, как верно полагает Тилли, материальная культура и культура в целом неотделимы, это же относится к материальной культуре и технике. Технологическое видение материальной культуры (или материальное видение техники, если угодно) раскрывает динамическую, процессуальную, активную, созидательную роль, которую и люди, и “не-человеки” (*nonhumans*) играют в конструировании их физического и социального миров. Таким образом, процесс объективации помогает показать, что материальные формы являются скорее посредниками в создании, воспроизводстве и преобразовании социальности, чем эпифеноменами разума или попросту альтернативными манифестациями языка. Объективация полностью реципрочна: “объекты и субъекты навсегда соединены в диалектической связи. Они составляют часть друг друга, хотя не растворяются и не сводятся один к другому. Субъекты и объекты одинаковы и вместе с тем различны” (*Tilley 2006b*: 61).

Понимаемая таким образом объективация – это и концепт, и нечто большее: родовая категория для материальных процессов, аналитического подхода и даже для оснований материалистической парадигмы. Как таковая она также является удобным инструментом, позволяющим объединить не только другие темы, которые обсуждались выше, но также различные способы познания материального мира и, очевидно, различные методологические подходы. Фокусируется ли кто-то на объектах как продолжении человеческого “я” (*Belk 1988*), отношениях (*Valentine, Longstaff 1998*) или личности (*Layne 2000*), на инструментах как на строительных блоках общества (*Hughes 2005*) или как на составных частях конфигурации субъективности пользователей технологий (*Mackey et al. 2000; Woolgar 1991*), на социальных контекстах и отношениях как на основаниях уникальных технокультур (*MacKenzie, Wajcman 1999; Schiffer 2001*), на глобальных режимах материальных ценностей (*Myers 2001a*), на современности (*Miller 1994*) или капитализме (*Miller 1997*), – в любом случае процесс объективации, несомненно, является ключевым звеном между материальностью и технологичностью – как и между дисциплинами и областями, призванными их исследовать.

Примечание

¹ Ваннини косвенно отсылает здесь своего читателя к известному в западных исследованиях материальной культуры и техники примеру – истории англоязычной раскладки клавиатуры пишущей машинки (QWERTY). Ее экономическая история – тема небольшой, но ставшей хрестоматийной статьи Пола Дэвида (*David 1985*), в которой он прослеживает, как и почему не удалось многочисленные попытки ее усовершенствования (только с 1909 по 1924 г. в Англии и США были зарегистрированы 7 патентов на раскладки, позволявшие пользователю печатать

на 20–40% быстрее, однако, как известно, QWERTY не только выстояла, но и была впоследствии перенесена на клавиатуры компьютеров). Исследование Дэвида сделало популярной тему “сиротства” (обездоленности части пользователей ходом технического прогресса), которую он заимствовал у Уорда Хансона (Ward Hanson), введя понятие “разгневанных сирот” (engaged orphans). Позже Мишель Каллон предложил называть таких обойденных пользователей “сиротливыми группами” (см. подробнее мою вводную статью) (*Прим. переводчика*).

Литература

- Барм* 2000 – *Барм Р.* Мифологии / Пер с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Копытофф* 2006 – *Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей. Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 134–166.
- Adler et al.* 1987 – *Adler P., Adler P., Fontana A.* Everyday Life Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1987. Vol. 13. P. 217–235.
- Appadurai* 1986 – *Appadurai A.* (Ed.) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge; N.Y., 1986.
- Belk* 1988 – *Belk R.* Possessions and Extended Self // *Journal of Consumer Research*. 1988. Vol. 15. P. 139–168.
- Bender* 2002 – *Bender B.* Contested Landscapes: Medieval to Present Day // *The Material Culture Reader* / Ed. V. Buchli. L., 2002. P. 141–174.
- Bourdieu* 1984 – *Bourdieu P.* *Distinction*. N.Y., 1984.
- Buchli* 2002a – *Buchli V.* Introduction // *The Material Culture Reader* / Ed. V. Buchli. L., 2002. P. 1–22.
- Buchli* 2002b – *Buchli V.* (Ed.) *The Material Culture Reader*. L., 2002.
- Casper, Clarke* 1998 – *Casper M., Clarke A.* Making a Pap Smear into the Right Tool for the Job // *Social Studies of Science*. 1998. Vol. 28. P. 255–290.
- Clarke, Montini* 1993 – *Clarke A., Montini T.* The Many Faces of RU486: Tales of Situated Knowledge and Technological Contestations // *Science, Technology, and Human Values*. 1993. Vol. 1. P. 42–78.
- Cockburn* 1985 – *Cockburn C.* *Machinery of Dominance: Women, Men, and Technical Know-How*. L., 1985.
- Cockburn, First-Dilic* 1994 – *Cockburn C., First-Dilic R.* *Bringing Technology Home: Gender and Technology in a Changing Europe*. Milton Keynes, 1994.
- Cowan* 1983 – *Cowan R.S.* *More Work for Mother: The Ironies of Household Technology from the Open Hearth to the Microwave*. N.Y., 1983.
- Cowan* 1989 – *Cowan R.S.* *The Consumption Junction: A Proposal for Research Strategies in the Sociology of Technology* // *The Social Construction of Technological Systems* / Eds. W. Bijker, T. Hughes, T. Pinch. Boston, 1989. P. 261–280.
- Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981 – *Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E.* *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge, 1981.
- David* 1985 – *David P.A.* *Clio and the Economics of QWERTY* // *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. №. 2. P. 332–337.
- Dobres* 2001 – *Dobres M.-A.* *Meaning in the Making: Agency and the Social Embodiment of Technology and Art* // *Anthropological Perspectives on Technology* / Ed. M.B. Schiffer. Albuquerque, 2001. P. 47–76.
- Fischer* 1994 – *Fischer C.* *America Calling: A Social History of the Telephone to 1940*. Berkley, 1994.
- Haraway* 1996 – *Haraway D.* *Simians, Cyborgs, and Women*. N.Y., 1996.
- Heath et al.* 2000 – *Heath Ch., Knoblauch H., Luff P.* *Technology and Social Interaction: The Emergence of Workplace Studies* // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. P. 299–320.
- Henare* 2007 – *Henare A.* *Taonga Maori: Encompassing Rights and Property in New Zealand* // *Thinking Through Things: Theorising Artefacts Ethnographically* / Eds. A. Henare, M. Holbraad, S. Wastell. L., 2007. P. 47–67.
- Holt* 1995 – *Holt D.* *How Consumers Consume: A Typology of Consumption Practices* // *Journal of Consumer Research*. 1995. Vol. 22. P. 1–16.

- Hughes* 2005 – *Hughes T.* Human-Built World: How to Think About Technology and Culture. Chicago, 2005.
- Ingold* 1996 – *Ingold T.* Situating Action V: The History and Evolution of Bodily Skills // *Ecological Psychology*. 1996. Vol. 8. P. 171–182.
- Ingold* 2000 – *Ingold T.* Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling, and Skills. L., 2000.
- Ingold* 2007 – *Ingold T.* Earth, Sky, Wind, and Weather // *Journal of the Royal Anthropological Institute (N.S.)*. 2007. S. 19–38.
- Layne* 2000 – *Layne L.* He Was a Real Baby with Baby Things: A Material Culture Analysis of Personhood, Parenthood, and Pregnancy Loss // *Journal of Material Culture*. 2000. Vol. 5. P. 321–345.
- Lemonnier* 2002 – *Lemonnier P.* Technological Choices: Transformation in Material Culture since the Neolithic. L., 2002.
- Lerman et al.* 1997 – *Lerman N., Palmer Mohun A., Oldenziel R.* Versatile Tools: Gender Analysis and the History of Technology // *Technology and Culture*. 1997. Vol. 38. P. 1–8.
- Lie, Sorensen* 1996 – *Lie M., Sorensen K.* (Eds.) Making Technology Our Own? Domesticating Technology into Everyday Life. Oslo, 1996.
- Mackay et al.* 2000 – *Mackay H., Carme Ch., Benyon-Davies P., Tudhope D.* Reconfiguring the User: Using Rapid Application Development // *Social Studies of Science*. 2000. Vol. 30. P. 737–359.
- MacKenzie, Wajcman* 1999 – *MacKenzie D., Wajcman J.* (eds.) The Social Shaping of Technology. Boston, 1999.
- Martin* 1991 – *Matrin M.* “Hello Central”: Gender, Technology, and the Culture in the Formation of Telephone Systems. Montreal, 1991.
- Miller* 1987 – *Miller D.* Material Culture and Mass Consumption. Oxford, 1987.
- Miller* 1994 – *Miller D.* Modernity: An Ethnographic Approach. L., 1987.
- Miller* 1997 – *Miller D.* Capitalism: An Ethnographic Approach. L., 1997.
- Miller* 1998 – *Miller D.* Material Cultures: Why Some Things Matter. Chicago, 1998.
- Miller* 2001a – *Miller D.* Alienable Gifts and Inalienable Commodities // *The Empire of Things: Regimes of Value and Material Culture* / Ed. Fred R. Myers. Oxford, 2001. P. 91–105.
- Miller* 2001b – *Miller D.* Home Possessions. L., 2001.
- Miller* 2005 – *Miller D.* An Introduction // *Materiality* / Ed. D. Miller. Durham, 2005. P. 1–50.
- Miller, Slater* 2001 – *Miller D., Slater D.* The Internet: An Ethnographic Approach. L., 2001.
- Miller, Tilley* 1996 – *Miller D., Tilley Ch.* Editorial // *Journal of Material Culture*. 1996. Vol. 1. P. 5–14.
- Moser* 2000 – *Moser I.* Against Normalisation: Subverting Norms of Ability and Disability // *Science and Culture*. 2000. Vol. 9. P. 201–240.
- Myers* 2001a – *Myers F.* The Empire of Things: Regimes of Value and Material Culture. Oxford, 2001.
- Myers* 2001b – *Myers F.* Introduction: The Empire of Things // *The Empire of Things: Regimes of Value and Material Culture*. Oxford, 2001. P. 3–64.
- Olsen* 2006 – *Olsen B.* Scenes from a Troubled Engagement: Post-structuralism and Material Culture Studies // *Handbook of Material Culture* / Eds. Tilley et al. L., 2006. P. 85–103.
- Oudshoorn* 2003 – *Oudshoorn N.* The Male Pill: A Biography of a Technology in the Making. Durham, 2003.
- Oudshoorn, Pinch* 2003 – *Oudshoorn N., Pinch T.* (eds.) How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technologies. Cambridge, MA; L., 2003.
- Pfaffenberger* 1988 – *Pfaffenberger B.* Fetishized Objects and Humanized Nature: Towards an Anthropology of Technology // *Man*. 1988. Vol. 23. P. 236–252.
- Pfaffenberger* 1992 – *Pfaffenberger B.* Social Anthropology of Technology // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 491–516.
- Pinch* 2009 – *Pinch T.* The Social Construction of Technology (SCOT): The Old, The New, and the Non human // *Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches* // Ed. P. Vannini. N.Y., 2009. P. 45–58.
- Pink* 2004 – *Pink S.* Home Truths: Gender, Domestic Objects, and Everyday Life. L., 2004.
- Rowlands* 2002 – *Rowlands M.* The Power of Origins: Questions of Cultural Rights // *The Material Culture Reader* / Ed. V. Buchli. L., 2002. P. 115–134.
- Rowlands* 2005 – *Rowlands M.* A Materialist Approach to Materiality // *Materiality* / Ed. D. Miller. Durham, 2005. P. 72–87.

- Saunders* 2002 – *Saunders N.* Bodies of Metal: Shells of Memory: ‘Trench Art’ and the Great War Re-cycled // *The Material Culture Reader* / Ed. V. Buchli. L., 2002. P. 181–206.
- Schiffer* 2001 – *Schiffer M.B.* Anthropological Perspectives on Technology. Albuquerque, 2001.
- Sillar* 1996 – *Sillar B.* The Dead and the Drying: Techniques for Transforming People and Things in the Andes // *Journal of Material Culture*. 1996. Vol. 1. P. 259–289.
- Silverstone, Hirsch* 1992 – *Silverstone R., Hirsch E.* Consuming Technologies: Media and Information in Domestic Spaces. L., 1992.
- Star* 1991 – *Star S.L.* Power, Technology, and the Phenomenology of Conventions: On Being Allergic to Onions // *A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology, and Domination* / Ed. J. Law. N.Y., 1991. P. 26–56.
- Suchman et al.* 1999 – *Suchman L., Blomberg J., Orr J., Trigg R.* Reconstructing Technologies as Social Practice // *American Behavioral Scientist*. 1999. Vol. 43. P. 392–408.
- Tilley* 1990 – *Tilley Ch.* Reading Material Culture: Structuralism, Hermeneutics, and Post-structuralism. L., 1990.
- Tilley* 1991 – *Tilley Ch.* Material Culture and Text: The Art of Ambiguity. L., 1991.
- Tilley* 1997 – *Tilley Ch.* A Phenomenology of Landscape: Places, Paths, and Monuments. L., 1997.
- Tilley* 2006a – *Tilley Ch.* Identity, Place, Landscape, and Heritage // *Journal of Material Culture*. 2006. Vol. 11. P. 7–32.
- Tilley* 2006b – *Tilley Ch.* Objectification // *Handbook of Material Culture* / Ed. Ch. Tilley. L., 2006. P. 60–73.
- Tilley et al.* 2006 – *Tilley Ch., Keane W., Kücher S., Rowlands M., Spyer P. (eds.)* Handbook of Material Culture. L., 2006.
- Valentine, Longstaff* 1998 – *Valentine G., Longstaff B.* Doing Porridge: Food and Social Relations in a Male Prison // *Journal of Material Culture*. 1998. Vol. 3. P. 131–152.
- Wajcman* 1991 – *Wajcman J.* Feminism Confronts Technology. N.Y., 1991.
- Wajcman* 2004 – *Wajcman J.* TechnoFeminism. N.Y., 2004.
- Winner* 1978 – *Winner L.* Autonomous Technology: Technics-Out-of-Control as a Theme in Political Thought. Boston, 1978.
- Winner* 1988 – *Winner L.* The Whale and the Reactor: A Search for Limits in an Age of High Technology. Chicago, 1988.
- Woodward* 2009 – *Woodward I.* Material Culture and Narrative: Fusing Myth Materiality, and Meaning // *Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches* / Ed. P. Vannini N.Y., 2009, P. 59–72.
- Woolgar* 1991 – *Woolgar S.* Configuring the User: The Case of Usability Trials // *A Sociology of Monsters: Essays on Power, Technology, and Domination* / Ed. J. Law. N.Y., 1991. P. 57–102.
- Woolgar, Cooper* 1999 – *Woolgar S., Cooper G.* Do Artefacts Have Ambivalence? Moses’ Bridges, Winner’s Bridges, and Other Urban Legends in S&TS // *Social Studies of Science*. 1999. Vol. 29. P. 433–449.

Пер. с англ. Н.В. Богатырь

P. Vannini. Material Culture Studies and the Sociology and Anthropology of Technology

Keywords: material culture, technoculture, consumption, choice, technology, use, domestication, politics of materiality, objectivization

The article is based on the introductory part of the collection on “Material Culture and Technology in Everyday Life: Ethnographic Approaches” (2009). The author presents a brief review of concepts that have been lately employed in research on material or technological culture. He attempts to show that different disciplines do in fact use adjacent notions and concepts in thinking about materiality, and tries to delineate ways of bringing the different research traditions to a unified platform that could serve as a theoretical foundation for the complex materialistic study of technological culture.